

5. Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1996–2004. – 18 т.

6. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://be.wikipedia.org/wiki/Асвета_на_Беларусі. – Дата доступа: 04.04.2020.

В. И. Сенкевич

Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach

ВЕРБАЛЬНАЯ ЭТОЛОГИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Прежде всего, необходимо отличать поведение от деятельности. Поведение не является деятельностью. Применительно к языку такое отличие предстает как противопоставление речевой деятельности, или дискурса, и реальности слова (логоса). «Как масло не смешивается с водой, так и эти противоположности не объединяются ничем и ни в чем и обречены на вечное и бессильное сосуществование» [1, с. 530]. Искусство слова противопоставляется культуре речи. Сила выговариваемого слова противостоит действенной энергии и напряжению произнесенной речи. Это также антитеза неотъемлемой от логоса силы витального этоса и сопровождающего дискурс «энергийного» пафоса.

Антитеза слова и речи последовательно прослеживается, например, в церковной традиции. Известны «Слова» и проповеди (речи) Кирилла Туровского. Митрополит Илларион говорит «Слово о законе и благодати» (первая половина XV в.); ср.: «Слово, говоренное на Пасху...», «Слово говоренное брату Василия Великого, Святому Григорию, епископу Нисскому» Григория Богослова. Антитеза сказанного и говоренного красной нитью проходит через «Нагорную проповедь». «*Вы слышали, что сказано...*» – это дискурс (речь); «*А Я говорю...*» – Слово.

Грамматика определяет глагол *говорить* как переходный. Однако по сути говорение не действие, а имперсональное состояние человека в ряду других его состояний (ср.: *говорилось, думалось, спалось, писалось* и т. п.). Слово само говорит, не нуждаясь в объяснениях, подтверждениях и доказательствах. Например, оборотом «*как говорится...*» вводятся поговорки, воплощающие аксиоматическую народную мудрость, не требующую аргументации: *Что посеешь, то и пожнешь. Без труда не вынешь и рыбку из пруда. Цыплят по осени считают* и др. Поговоркам противопоставляется малый жанр речи – пословицы: *Береги честь с молодю. Не плюй в колодец – пригодится воды напиться. Лучшие синица в руке, чем журавль в небе* и т. д.

Всякое действие, в том числе и речевое, имеет причину. Однако о причинах поведения речь не идет. У поведения есть *повод*. Смысл глагола *повести* и его производных имеет манипуляционный характер, например:

Барыни, сидя, плавно поваживают веерами. Плясунья поводит руками, головой. Онъ только рукою поводитъ, и боли сьмаетъ. Куда ни поведешь глазами, всюду суета и прахъ (Даль, 3, 139); ср.: *повести* ‘шевелинуть’ (МАС, 3, 158): – Гм! – Павел Петрович *повел усами* (Тургенев. «Отцы и дети»). *Лошадь устало повела ушами* (Фадеев. «Разгром»). *Серпилин только чуть заметно повел на морозе лопатками* (Симонов. «Солдатами не рождаются»). Если глаголы движения указывают на целенаправленное действие и ожидаемый результат, то манипуляционные глаголы этих признаков лишены. Например, глаголом *шевелиться* характеризуется то, что (кто) как-то себя обнаруживает: *шевелиться* ‘обнаруживать оживление’ (МАС, 4, 707) ...*не такой /отец/ уже и старый, шевелился еще как следует* (Скрыган. «Круги»); ср.: *шевелинулась мысль, в душе шевельнулось чувство* и т. п. В поведении оказывается важным не конечный результат, а ход. Поведение осуществляется «по ходу», а не «по результату». Выражение *вести себя* означает способ самореализации человека.

Этологическая лексика свидетельствуют о «не самости» поведения. Здесь непременно присутствует тот, кто ведет, – ведущий (*поводырь, вождь, предводитель* и т. д.) – и ведомый – кто находится в его безусловной власти (послушник), ср.: *послушный* (трад.-поэт.) ‘отдающийся во власть чего-кого-л’ (МАС, 3, 318). Вербальное поведение также реализуется по модели «говорящий» (ведущий) и «слушающий» (ведомый), например: *А я говорю, весна, говорю, она говорит похоже, А я говорю, краса говорю, она говорит ну и что же* (Из песни «Давай поговорим»).

В поведении отсутствует каузация и, следовательно, отношения подчинения. Основанием безупречного поведения выступает послушание: *Он всегда держался на виду у взрослых, со всеми ласковый, готовый всем и всячески услужить. Взрослые хвалили его за послушание* (Горький. «Детство»). Реальность, которую называет глагол *слушать* и его производные, характеризуется многочисленными смысловыми векторами. Это не только ситуация знакомства («знакомиться на слух с чем-л.»). Мы замечаем, например, что кто-то «слушно говорит». Непослушными оказываются мысли, которые упрямо «лезут в голову». *Послушниками* называют монастырских слуг, а их обязанности – *послушанием*. В синодальном переводе Библии читаем: «Выслушаем сущность всего» (Екклесиаст, 12:13).

Слушаться кого-либо – не значит быть у него в подчинении. Например, солдат находится под началом («в послушании») у своего командира – слушает его команду, во всем слушается («Есть», «Слушаюсь»). Послушник «ходит» под кем: – *Кто вы такие? Под кем ходите? – Как и все, под Богом ходим; ходить под Богом* (диал.) ‘жить’ (БСРП). Говорящие также находятся друг у друга в послушании.

В поведении выявляется аспект власти, а не господства (ср.: *властелин, властитель, владыка*, но: *господин*). «Говорить – значит обладать властью говорить» (Л. Фуко), ср.: ...заговорил, «как власть имеющий»; «Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи» (Мф. 7, 29).

Во владении обнаруживается реальная власть, однако не действует право и справедливость. Владующий чем-то не хозяин над ним: *владеть пером, владеть рукой, владеть языком* и т. д. Проявление воли в послушании понимается как губительное для целостности своеволие. Если каждая часть в целом начинает собственный процесс, то это ведет к распаду связи между частями; «смерть и гниение трупа – полное освобождение частей» [2, с. 100].

Слово для человека – не средство, а инструмент, который у него есть и которым он владеет. Однако искусство владения чем-либо не тождественно мастерству. Говорящий не мастер. Владеть словом и пользоваться им – не значит использовать его и иметь на него право. Категория права, как и иные общественные институты и институции, не имеет отношения к говорению – вербальному поведению человека.

Деятельность понимается как «проявленная активность» [3, с. 47], ср. англ. *activity* ‘деятельность’, *трудовая деятельность, высшая нервная деятельность, деятельность сердца* и т. д. Однако в поведении человек никак себя активно не проявляет и практически ничего не делает. Слово не процессуально. Термин *процесс* ассоциируется с судом (*судебный процесс*), изменениями в организме (воспалительный процесс), производством (*производственный процесс*) и т. д. В слове отсутствует основной признак процессуальности – последовательность. Собеседники не последователи, а сторонники. Ничего не доказывая, каждый из них держит свою сторону или принимает сторону другого. Говорящие не чинят «скорый суд» над действительностью. По сути, в говорении ничего не должно обсуждаться, а лишь оговаривается и обговаривается – очно (на глазах присутствующих) или заочно (за глаза).

Всякий процесс перебрасывает в прошлое – он «уже пошел». Однако в живой реальности слова не проявляется законченное «уже». В любую минуту общения собеседники «еще» говорят. Речь осуществляется в разовой «пока-еще»-реальности, которая характеризуется принципиальной незавершенностью. Реальность слова совпадает с реальностью жизни (ср.: *еще живем, пока живем* и т. п.). Основная характеристика слова, реализующегося в онлайн-режиме, – витальность: *живое слово, живая беседа, живой язык, живой отзыв* и др. Живость слова воспринимается в смысле непосредственного обнаружения (ср. аналог.: *живой звук, живая музыка*).

Как и в любом поведении, в говорении не проявляются личные свойства человека, а обнаруживается его характер. Все, что свойственно

кому-нибудь, для него не характерно. Характерное для кого-либо не проходит незамеченным в его социуме. Индивид получает несемантикологическую «метку» – прозвище. Феномен прозвища принадлежит к разряду характеризующих самоговорящих слов – целостных эйдических презентаций человека: *И каркнет само по себе прозвище во все свое воронье горло, и скажет ясно, откуда вылетела птица. Сказанное точно, все равно, что написанное, не вырубается топором... И нечего добавит уже потом, какой у тебя нос или губы – одной чертой обрисован ты с головы до ног.* (Гоголь. «Мертвые души». Известны прозвища, характеризующие вербальное поведение человека. Например, прозвище князя Великого княжества Литовского Карла Радзивилла *Panie Kochanku*, возникшее путем цитации характерного для него апеллятива.

Основным элементом поведения выступает поступок. Человек не выражает и не определяет себя через поступок. «Моя определенность (я такой) не входит для меня самого в мотивацию поступка; в классицизме поступок всегда мотивируется характером героя» [4, с. 17]. В свете феноменологии сама жизнь есть не что иное, как поведение, ср.: бел. *паводзіцца* ‘жыцца; складвацца’ (ТСБМ), пол.: *powodzić się* ‘układać się, wieść się’. *Zaczęło tu się powodzić; powodzenie* ‘pomyślny obrót rzeczy’ (PSJP, 742).

М. Бахтин связывает поступок с представлением о недеятельном (эволюционном) поступлении: «Каждая мысль моя есть мой индивидуально-ответственный поступок, один из поступков, из которых складывается вся моя единственная жизнь как сплошное “поступление”; вся моя жизнь в целом может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок; я поступаю всей своей жизнью, каждое устремление и переживание есть мгновение моей жизни-поступления. Я поступаю словом, мыслью, чувством; я живу, я становлюсь поступком» [4, с. 27].

Поведение человека есть не что иное, как постепенное осуществление его состояния, в котором он не выходит за пределы своего опыта. Это состояние Аристотель назвал термином *энтелехия* (греч. *ντελέχεια* – нахождение в состоянии осуществления). Глагол *находиться* буквально означает ‘находить себя’. Поиск себя не связан с институтами бытия (обычаем и законом). В связи с поведением говорится о привычке: *Он ездил в собрание, танцевал котильон со всеми барышнями, писал им на веерах мадригалы, как это повелось в Петербурге* (Тынянов. «Смерть Вазир-Мухтара»). В отличие от обычая, привычка неконвенционально складывается в ходе жизни («так уж повелось»). Привычное не зависит от внешних регламентаций и принадлежит реальности знакомства: *привычный* ‘знакомый’ (МАС, 3, 399).

Поведению не свойственно прогрессирующее «куда» (*вперед – назад*). Тот, кто как-то поступает («проходит ступени»), непрерывно возвращается к своему началу – *ходит (туда – сюда)*; аналогия: курс (ход) автобуса, ход поршня в двигателе и др.. В поведении не бывает дороги, которую выбирают, однако есть путь прохождения расстояния «от... и до...», ср.: *жизненный путь («от колыбели до могилы»)*, *творческий путь* и др. Характерно, что в переводе Библии на китайский язык слову λόγος соответствует иероглиф ‘дао’ (кит. 道 – ‘путь’). «Человек – “долгое” существо, пробирается через заросли чужих представлений к неизвестной цели (счастью?), чтобы обнаружить в конце пути – если повезет, – что это был путь к себе. И что любой путь – это путь к себе. И что к себе можно и не дойти» [5, с. 43].

Поведение – не арена деятельности, которая состоит из последовательных актов, а сцена. Сценарий жизненного поведения – череда непрофессиональных обнаружений человека, которые, не будучи актами, не приводят к судьбоносным изменениям и сдвигам, но способствуют принятию неординарных решений. Характер поведения рефлексивный. На жизненном пути обретает смысл поворот: рефлекс (лат. *reflexio* ‘поворот’, *flexio* ‘изгиб’, ‘выгибанне’, ‘дуга’).

Если процесс предполагает оборот и свойство обратимости (*обратимые процессы, оборачиваемость химических реакций, денежное обращение* и т. д.), то поступательное поведение характеризуется, как правило, неожиданными рефлексам: ср: *поворот в жизни, поворот разговора* и т. д. Несвойственные стратегии речевой деятельности повороты характерны для тактики вербального поведения.

Примером рефлексивности вербального поведения может служить разговор двух дам из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» – «дамы просто приятной и дамы, приятной во всех отношениях»: «*Ах, если бы вы знали, жизнь моя Анна Григорьевна, как я к вам спешила*», – сказала просто приятная дама и почувствовала, что у ней захватилось дыхание от нетерпения скорее приступить к делу. Но восклицание, которое издала в это время дама приятная во всех отношениях, дало вдруг другой поворот направлению, какое готовился было принять разговор. «*Какой веселенькой ситец!*» – воскликнула во всех отношениях приятная дама, глядя на платье просто приятной дамы. (Гоголь. «Мертвые души»).

Языковое поведение – это реальность встречи («сошлись – поговорили»). Оно начинается с невербального рефлекса – поворота лица; ср. противоположное: *повернуться спиной к кому-чему* – выразить равнодушие (МАС, 3, 157). Повернуться лицом (или душой) к кому-чему-то – значит стать на путь недискурсивного познания его.

Любая деятельность не обходится без метода и методики. В связи с поведением «метод» один: «Смотри-слушай». «Я, по сути, не предлагаю никакого метода, – замечает Х. Гадамер, я описываю то, что есть. Научная позиция заключается в том, чтобы признавать то, что есть, а не исходить из того, что должно или могло быть. В этом смысле я пытаюсь выйти за рамки современного научного понимания метода» [6, с. 95].

Важным в поведении оказывается не столько содержание говорения, сколько аспект восприимчивости – то, как слово (не) доходит до реципиента: *Как слово наше отзовется* (Тютчев). В отличие от речевого акта, слово не воздействует прямо, а, подобно инструменту, вызывающему тот или иной эффект, оказывает на человека благотворное (или тлетворное) влияние. Основной характеристикой говорящих выступает не рассудок, а проницательность – интуитивная иррациональная способность в ситуации общения угадывать и предугадывать то, что скрывается за внешними проявлениями: *проницательный* ‘быстро и верно разгадывающий сущность кого-, чего-л.; догадливый’ (МАС 3, 507): *Дети вообще проницательнее, нежели думают* (Герцен. «Былое и думы»). *Белинский обладал необыкновенной проницательностью и удивительно светлым взглядом на вещи* (Добролюбов. «А. В. Кольцов»).

В слове реализуется мысль и акцентируется феномен смысла. Сущность звучащего слова не в понимании. Понимание отдаляет говорящих и не способствует *ходу* беседы («*Я тебя понял!*»). Одно дело понять нечто, и совершенно другое – проникнуть в сущность того, о чем говорится: *проникновенный* ‘способный глубоко проникать, вникать в сущность явлений’ (МАС, 3, 506). Смысл не дан открыто, но попеременно извлекается говорящими. Сущность не понимается, но угадывается (разгадывается).

Процедура общения как вербальное поведение занимает важное место в жизни человека. Любой человек, живущий в обществе, является человеком, ведущим переговоры. В говорении обнаруживает себя язык негативных (непроявленных) сущностей. Этично приемлемой оказывается ситуация, негативный смысл который сводится к слову *ничего* («все обошлось, ничего не случилось»). В словаре В. Даля: «**Ничевошник** м. -ница ж. кому все нипочем, кто ко всему приговаривает *ничего*» (Даль, 2, 548). Все существующее имеет определенность, однако мы способны отнестись к любой определенности со стороны отрицания и удерживать эту негативную позицию, например: – *Жизнь?.. А что такое жизнь?* (Из разговора). «То, что нашему сознанию кажется ничем, и есть недостижимо Величайшим» [7, с. 530].

Другое название переговоров – *негоциация*. У Даля: «**негоциация** дипломатические переговоры для заключения условия, договоров;

переговоры, соглашения, совет, уговоры» (Даль, 2, 510). В переговорах договариваются – принимаются условия друг друга, совместно решаются насущные вопросы. Негоцианты держатся некоторого сценария, но не надевают социальных масок («личин»), т. е. не играют соответствующих ролей. Разговорный параметр «между» («между нами») ориентирован на доверие и секретность. Грамотное ведение переговоров – искусство.

Негация «ничего» имплицитно присутствует в самом глаголе *переговорить* (жарг. *перетереть*) («переговорить обо всем, ничего не оставляя на потом»). Идиома *ничего* воплощает основную интенцию переговоров, в каком бы формате они ни осуществлялись (– *Ты чего? – Я ничего*). Для вербального поведения важно, что бы все проходило ровно (*Между нами все ровно?*); ср. шутил.: *Как ваше «ничего»?* Слово *ничего* не имеет оценочного значения. Им говорится об отсутствии противоречия в ситуации, когда что-то проходит без каких-нибудь позитивных (проявленных) «чего». Идеальное состояние негации – «ни, ни». «Говорят словами», не допуская в ход беседы дискурсивных позиционирующих выражений. Мысль не изрекается («Мысль изреченная есть ложь». Тютчев), а воплощается в живом слове.

Модель беседы не зеркало, а эхо с характерным для него принципом преемственности (удержания). Если зеркало отражает все тотально и равнодушно, то эхо импульсивно и небезразлично перенимает-подхватывает что-то, интерпретируя его на свой лад. Перенимается непередаваемое – то, что в силу своей аутентичности не подлежит сообщению. В поведении не идентифицируется лицо, но обнаруживается характер челоаека. Непередаваем жизненный опыт другого человека – его мысли и привычки, манера держаться, черты характера и др., т. е. все, что принадлежит искусству, в том числе и искусству слова. Принцип преемственности обнаруживается в интенции слушателя «подхватить» слово собеседника и рефлексивно отозваться на него. В отзыве присутствует цитатная апелляция к ранее гаворенному («Вот вы тут говорили...»). Собеседники совместно продливают линию вербального поведения, удерживая ее и не давая потеряться.

Таким образом, в описании языковой этологии востребован принцип антиномичности. Отправной точкой лингвистического изучения воплощения этологии человека в языке является тезис о недейственности и негативности – непроявленности, но очевидной выявленности – поведения. Основные характеристики этологии человека – вербальность, рефлексивность, импрессивность, негативность, неконвенциональность, инструментальность, осмысленность, творчество, иррациональность, инстанциональность, очевидность. Каждую минуту жизни человек поступает, и в его эволюционных поступках обнаруживается скрытая реальность феноменов сознания, которая импрессивно и творчески перенимается реципиентом.

Метафора самоговорящего слова – важнейший аспект лингвистического изучения вербального поведения в свете феноменологии.

Список использованной литературы

1. Эрн, В. Борьба за Логос. Г. Г. Сковорода Жизнь и учения / В. Эрн. – Минск : ХАРВЕСТ; М. : АСТ, 2000. – 592 с.
2. Герцен, А. И. Письма об изучении природы / А. И. Герцен // Избранные философские произведения : в 2 т. – М., 1948. – Т. 1. – С. 138–184.
3. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб : Питер, 2000. – 712 с.
4. Бахтин, М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Философия и социология техники : ежегодник. 1984–1985. – М., 1986. – С. 7–39.
5. Мамардашвили, М. К. Психологическая топология пути / М. К. Мамардашвили. – СПб. : Мысль, 1999. – 230 с.
6. Гадамер, Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Г. Гадамер. – М. : Наука, 1988. – 586 с.
7. Кузанский, Н. Сочинения : в 2 т. / Н. Кузанский. – М. : Мысль, 1979. – Т. 1. – 214 с.

Принятые сокращения

- БСРП – Большой словарь русских поговорок. – М., 2007.
 Даль – Даль, Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка / Владимир Даль. – М : Рус. Яз., 1978. – Т. 1–4.
 МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984. – Т. 2. – 1982. – 736 с.
 PSJP – Popularny słownik języka polskiego. – Warszawa : PWN, 2002. – 1304 с.

К. А. Сіманюк

Брест, БрДУ імя А. С. Пушкіна

ВЫКАРЫСТАННЕ ТРВЗ-АДУКАЦЫІ НА ЎРОКАХ ЛІТАРАТУРНАГА ЧЫТАННЯ Ў ПАЧАТКОВЫХ КЛАСАХ

Павышэнне якасці навучання і выхаванне культуры самаадукацыі навучэнцаў з’яўляецца адной з галоўных задач, якія стаяць перад сучаснай школай. Для іх вырашэння патрабуюцца новыя спосабы арганізацыі адукацыйнага працэсу і прадуктыўныя педагагічныя тэхналогіі. Жыццё ставіць перад настаўнікамі задачу стварыць умовы для фарміравання інтэлектуальнай і творчай асобы малодшага школьніка і навучыць яго «ўменню вучыцца», г. зн. сфарміраваць у яго ўніверсальныя вучэбныя дзеянні (УВД) [1].

Адным з эфектыўных метадаў рашэння гэтай задачы з’яўляецца выкарыстанне тэхналогіі рашэння вынаходніцкіх задач (ТРВЗ), якая дазваляе павысіць эфектыўнасць любога ўрока, садзейнічае паспяховаму фарміраванню пазнавальных УВД і творчаму развіццю дзяцей. ТРВЗ з’яўляецца інструментам для пошуку нестэрэатыпных ідэй, развіцця не толькі